

ИДЕАЛЫ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ*)

Невозможно понять жизнь англиканской церкви не учитывая и не изучая тѣ три движенія, которыя дошли до полного развитія въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтїи. Первое изъ этихъ движеній воспитательное и въ западной Европѣ его принято называть — Возрожденіемъ. Второе движеніе — религиозное; это — Реформація. Третье движеніе еще не получило подходящаго названія. Это движеніе политическое; оно сказалось въ образованіи современной націи-государства. Отношеніе къ англиканской церкви оно имѣетъ только потому, что оно было основано на принципѣ подчиненія духовенства свѣтской власти. Его пожалуй можно назвать Гоббизмомъ, потому что въ Англіи Томасъ Гоббсъ и Малмзбэри были его проороками. Иногда оно также называется «Византизмомъ».

Нелегко уяснить себѣ въ чемъ состояла связь между этими тремя движеніями; да и существовала ли она вообще, и почему совпалъ моментъ ихъ наибольшаго развитія. Трудно разобраться, поскольку каждое изъ нихъ вытекало изъ предшествующаго или поскольку всѣ три вытекали изъ одного и того же источника. Я не знаю, получили ли всѣ эти вопросы когда либо удовлетворительный отвѣтъ со стороны историковъ. Чаще всего принято считать, что всѣ три движенія имѣютъ много общаго, но оказывается, что многіе факты противорѣчатъ такому мнѣнію. Возрожденіе или пробужденіе гуманизма было все пропитано духомъ индивидуализма, ни церковные реформаторы, ни приверженцы Византизма не сочувствовали ему. И реформированныя церкви и всесильныя свѣтскія государства, съ которыми работали эти церкви даже когда отказывались становиться ихъ орудіями, относились строго и неждружелюбно къ идеалу личной свободы. Кромѣ того гуманизмъ Возрожденія былъ весь проникнутъ духомъ

*) Статья Керна профессора нравственнаго богословія Оксфордскаго Университета, специально написанная для «Пути».

бунтарства противъ традиціонныхъ устоевъ, столь чуждыхъ примитивной и строгой моральности реформаторовъ. А политическое движеніе, окрашенное духомъ Маккіавелли, охотно становилось на сторону либераловъ въ ихъ протестъ противъ дѣйствій и принциповъ церкви, хотя въ другихъ отношеніяхъ оно не сочувствовало либеральнымъ идеямъ.

Поверхностно всѣ три движенія шли въ разрѣзъ съ существующимъ церковнымъ порядкомъ, хотя причины вызывающія ихъ враждебность были различны. Чтобы понять эти причины, надо изучать исторію. Причины эти сложны, не менѣе сложны чѣмъ проявленія, вызванныя ими.

Съ самыхъ первыхъ дней вторженія варварскихъ племенъ въ Европу церковь являлась спасителемъ, а потомъ и учителемъ западнаго міра. Но годы шли, міръ возмужалъ и опредѣленно выразилъ желаніе сбросить съ себя опеку церкви. Методъ воспитанія и централизація всей своей системы были главными орудіями церкви. Возрожденіе былъ протестомъ противъ этой устарѣвшей системы, не отвѣчающей новымъ запросамъ человѣческаго мышленія. Византизмъ нападалъ на самый принципъ централизаціи. Реформація отрицала ее только посколькo бюрократическая машина не сумѣла сохранить себя чистой отъ всякихъ злоупотребленій. И надо сознаться, что сама церковь сочувствовала по крайней мѣрѣ двумъ изъ этихъ стремленій. Правда, что западное христіанство никогда не признавало идеаль націонализма, но Возрожденіе беретъ свои корни въ самомъ началѣ средневѣковья и первые піонеры этого движенія были церковными дѣятелями. Посколькo реформаторы руководились исключительно соображеніями нравственнаго порядка, они конечно вызывали сочувствіе лучшихъ христіанъ во всѣхъ поколѣніяхъ. Поэтому ясно, что руководители западнаго христіанства стояли лицомъ къ лицу съ очень трудной задачей. Многіе запросы пробудили большое сочувствіе въ той средѣ, къ которой они были обращены. Чувствовалось, что отвѣтить на нихъ простымъ «отказомъ» было невозможно, во всякомъ случаѣ, даже если бы ихъ многочисленность и важность не обрекало бы заранѣе такого рода отношеніе на неудачу. Но съ другой стороны, скрытое чувство взаимнаго недоверія (мы позволяемъ себѣ такъ назвать сложившееся отношеніе) со стороны представителей всѣхъ трехъ движеній, объединившихся въ оппозиціи къ церкви, толкало на компромиссъ, уклоненія и откладываніе вопросовъ въ долгій ящикъ, такъ какъ это казалось болѣе легкой и пріятной политикой.

Восторженная преданность англичанъ своей англиканской церкви (совершенно отличное чувство отъ предан-

ности къ английской національности) основано главнымъ образомъ на томъ, что изъ всѣхъ западныхъ группъ христіанскихъ общинъ (до шестнадцатаго вѣка ихъ всѣхъ нѣсколько необоснованно считали подвластными Риму) англиканская церковь выдѣлялась своею честностью и успѣхомъ въ борьбѣ съ кризисомъ, обнаружившимся къ началу современной эпохи. Конечно, нельзя не признать, что и успѣхъ и честность эти были только относительными. И въ настоящее время совершенная честность и полный успѣхъ недостижимы. — Это характерно и для того и другого. Но и до сихъ поръ англиканская церковь болѣе всякой другой признаетъ серьезность и реальность вопросовъ и стремится найти самое правильное разрѣшеніе.

Англиканская церковь, какъ и большинство протестантскихъ вѣроисповѣданій, слишкомъ много уступила требованіямъ византизма. Инстинктъ реформъ увлекъ и протестантизмъ и англиканскую церковь, такъ что она отступила отъ многого, что составляло славу ея католическаго наслѣдства. Но англиканская церковь отличается отъ протестантскихъ тѣмъ, что она не отказалась ни отъ одного изъ существенныхъ принциповъ католичества, но она признаетъ своимъ авторитетомъ лишь нераздѣльную церковь первыхъ шести вѣковъ. Въ одномъ она не похожа на Римъ. Она приняла новое ученіе честно и открыто, и безъ всякаго рокового уклоненія отъ вселенской истины, она впитала въ себя духъ націонализма и признала законность правъ временной власти, какъ орудія посланнаго Богомъ для разрѣшенія человѣческихъ дѣлъ. Историческая задача западнаго міра имѣетъ вселенское значеніе. Она состоитъ не только въ примиреніи всѣхъ противорѣчій ума, совѣсти и общественной жизни, но и въ примиреніи всѣхъ трехъ съ требованіями откровенія. Быть можетъ не существуетъ окончательнаго разрѣшенія этихъ проблемъ, но человѣчество обязано искать пути къ ихъ разрѣшенію. И въ этомъ отношеніи мы имѣемъ право сказать, что путь проложенный англиканской церковью болѣе правиленъ чѣмъ тѣ, которымъ слѣдовали другія вѣроисповѣданія.

Быть можетъ это утвержденіе покажется слишкомъ преувеличеннымъ, но оно какъ будто бы оправдывается состояніемъ англиканской церкви въ наши дни. Потребовалось не болѣе пятидесяти лѣтъ, чтобы англиканская церковь познанилась, ассимилировала и примирила христіанскіе принципы съ новыми открытіями современной науки и съ исторической критикой. Конечно, этотъ процессъ еще не вполнѣ законченъ, но въ Англии уже не существуетъ той розни между церковью и интеллигенціей, какую мы видимъ въ другихъ странахъ. Деятнадцатый вѣкъ часто и убѣдительно доказы-

валъ, что англиканская церковь никогда не оставалась глуха къ вопросамъ совѣсти. — Не всегда она пробуждала движеніе въ пользу нравственныхъ реформъ, національныхъ или личныхъ, но она всегда очень скоро становилась на ихъ сторону. Отношенія между англиканской церковью и государствомъ часто бывали враждебными или неопредѣленными, но никогда общественное мнѣніе не смотрѣло на нее какъ на опасность для національной жизни. Съ другой стороны она никогда не подчинялась настолько всѣмъ смѣняющимся правительствамъ, чтобы обратиться въ безвольную пѣшку въ ихъ рукахъ. Она всегда сохраняла свою цѣнность. Я сомнѣваюсь, чтобы Римъ или протестантизмъ имѣли такое же вліяніе.

Кнечено эти условія способствовали тому, что мнѣніе англиканской церкви не всегда было единогласно. Для людей, стоящихъ внѣ церкви, такое разногласіе можетъ звучать какъ смѣшеніе языковъ при построеніи вавилонской башни. Но мы знаемъ, что въ исторіи христіанства бывали не разъ продолжительныя эпохи, когда даже въ вопросахъ первостепенной важности — ученіи о воплощеніи или о Св. Троицѣ — единеніе казалось недостижимой мечтой. Поэтому намъ только остается признать, что исторія еще разъ повторяется. Членъ англиканской церкви не смущается этимъ; онъ знаетъ, что эти колебанія въ его церкви только указываютъ на усердіе, съ которымъ она пытается разрѣшить свои проблемы; а эти проблемы, какъ мы уже сказали, проблемы всего міра. И это та точка зрѣнія, съ которой онъ просилъ бы и не членовъ его церкви смотрѣть на эти разногласія. Но есть другіе два вопроса, которые гораздо болѣе смущаютъ его и выводятъ его изъ состоянія спокойнаго самоудовлетворенія. Онъ знаетъ, что существующія отношенія между церковью и государствомъ въ Англіи въ настоящее время вредны если не для національнаго благосостоянія, то во всякомъ случаѣ для свободы и достоинства церкви; общераспространенное равнодушіе къ столь очевидному факту пугаетъ не только само по себѣ, но также потому, что является непреодолимымъ препятствіемъ всякой реформѣ. Это первый фактъ. Второй фактъ слѣдующій: все развивающееся знакомство не только съ востокомъ, но и съ римской церковью, ясно показываетъ ему, какъ много онъ потерялъ въ сознаніи каеоличной духовности и преданности, сперва вслѣдствіе отдѣленія востока и запада, а въ болѣе позднюю эпоху вслѣдствіе розни между Римомъ и Кэнтербери.

Въ теченіе ста лѣтъ Оксфордскаго движенія было достигнуто гораздо больше, чѣмъ обычно думаютъ. Но несомнѣнно, что большая часть англиканской церкви лишь подсознательно каеолична; ея сознательныя реакціи къ каеоличнымъ призывамъ — враждебны.

Въ теченіе четырехъ столѣтій англиканская церковь всегда стояла въ самомъ центрѣ всѣхъ бурныхъ умственныхъ движеній, имѣющихъ отношеніе къ религіи, и не удивительно, что въ этомъ процессѣ ей пришлось потерпѣть уронъ и раненія. Никто не сможетъ составить себѣ правильнаго понятія о современномъ англиканизмѣ, не считаясь съ этимъ фактомъ; не сознавая, что въ теченіе своего долгаго испытанія англиканская церковь противостояла съ одной стороны искушенію удалиться и замкнуться въ какомъ то торжественномъ уединеніи, и съ другой стороны найти легкое разрѣшеніе всѣмъ своимъ затрудненіямъ полной сдачей своихъ позицій и утратой своего наслѣдства. Со многими колебаніями, съ частой нерѣшительностью, въ теченіе періодовъ изнеможенія и слабости, часто тяжело израненная, англиканская церковь стойко стояла на своемъ посту для того, чтобы привести къ единенію разумъ, совѣсть, національную лояльность и откровеніе, соединяя ихъ во едино. Даже тѣ, которые всего менѣе склонны приписывать ей удачу, должны признать мужество ея попытки. А попытка эта и по сіе время не сказала своего послѣдняго слова.

К. Керкъ.